

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94(394)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-239-254>

Политика военного коммунизма: марксистская доктрина и крестьянская реальность (1918–1921 годы)

А.А. Колупаев¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. В условиях, когда крестьянство составляло абсолютное большинство населения, попытка форсированного построения коммунизма через тотальное огосударствление и насильственное изъятие продукта привела к системному кризису, кульминацией которого стали массовые восстания и голод. Изучение этого исторического опыта позволяет понять глубинные причины провала данного социального эксперимента и его катастрофические последствия.

Цель статьи – на основе анализа доктринальных установок большевизма и практических мер политики «военного коммунизма» выявить ключевые противоречия между идеологической утопией и крестьянской реальностью, которые предопределили крах этой политики.

Задачи: анализ теоретических основ «военного коммунизма» в работах В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого; изучение ключевых инструментов политики (продовольственная диктатура, продразверстка, комбеды, трудовая повинность); оценка ответной реакции крестьянства и последствий данной политики для аграрного сектора и страны в целом.

Методология. Для анализа политики «военного коммунизма» и ее последствий были использованы историографический, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В ходе исследования установлено, что политика «военного коммунизма» была не только вынужденной мерой в условиях Гражданской войны, но и сознательной попыткой реализации марксистской доктрины о немедленном переходе к коммунистическому устройству общества, основанному на полном отказе от рыночных отношений. Выявлено, что ее ключевые инструменты были направлены на слом крестьянства как класса мелких собственников. Политика «военного коммунизма» привела к коллапсу аграрного производства, массовому голоду и поставила советский режим на грань катастрофы.

Выводы. Политика «военного коммунизма» представляла собой провал попытки механического переноса умозрительной марксистской доктрины на российскую аграрную почву. Неспособность большевистского руководства примирить свою идеологию с фундаментальными интересами крестьянства привела к глубочайшему социально-экономическому кризису и спровоцировала масштабную крестьянскую войну, вынудив архитекторов эксперимента к радикальной смене курса и переходу к нэпу.

Ключевые слова: военный коммунизм; марксизм; большевики; Гражданская война; крестьянство; продовольственная диктатура; продразверстка; насилие; утопия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Колупаев А.А. Политика военного коммунизма: марксистская доктрина и крестьянская реальность (1918–1921 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 239–254. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-239-254>.

Поступила в редакцию 09.09.2025

Принята к публикации 01.10.2025

Опубликована 31.10.2025

© Колупаев А.А., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(4):239-254

War communism policy: marxist doctrine and peasant reality (1918–1921)

Andrei A. Kolupaev¹✉

¹Southwest State University,
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. In a context where the peasantry constituted the absolute majority of the population, the attempt to forcefully build communism through total nationalization and the violent confiscation of products led to a systemic crisis, culminating in mass uprisings and famine. Studying this historical experience allows us to understand the underlying causes of the failure of this social experiment and its catastrophic consequences.

The **purpose** of the article – based on the analysis of the doctrinal principles of Bolshevism and the practical measures of the policy of “war communism”, is to identify the key contradictions between the ideological utopia and the peasant reality that predetermined the collapse of this policy.

Objectives: analyzing the theoretical foundations of “War Communism” in the works of V.I. Lenin, N.I. Bukharin, and L.D. Trotsky; studying key policy instruments (food dictatorship, food tax collection, poor peasant committees, and labor service); and assessing the peasantry’s response and the consequences of this policy for the agricultural sector and the country as a whole.

Methodology. This article utilizes historiographical, comparative historical, and problem-chronological methods to analyze the policy of “War Communism” and its consequences.

Results. The study established that the policy of “war communism” was not only a necessary measure during the Civil War, but also a deliberate attempt to implement the Marxist doctrine of an immediate transition to a communist social structure based on the complete rejection of market relations. It was revealed that its key instruments were aimed at breaking the peasantry as a class of smallholders. Historical analysis revealed that the peasantry’s reaction (reduced crop yields, passive sabotage, and armed uprisings) was a rational response to the dismantling of economic incentives. The policy of “war communism” led to the collapse of agricultural production, mass famine, and brought the Soviet regime to the brink of disaster.

Conclusions. the policy of “war communism” represented a failed attempt to mechanically transfer a speculative Marxist doctrine to Russian agrarian soil. The Bolshevik leadership’s inability to reconcile its ideology with the fundamental interests of the peasantry led to a profound socioeconomic crisis and provoked a large-scale peasant war, forcing the architects of the experiment to radically change course and transition to the New Economic Policy (NEP).

Keywords: war communism; marxism; bolsheviks; Civil war; peasantry; food dictatorship; food tax requisitioning; violence; utopia.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolupaev A.A. War communism policy: marxist doctrine and peasant reality (1918–1921). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(5):239–254. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-239-254>.

Received 09.09.2025

Accepted 01.10.2025

Published 31.10.2025

***

Введение

Политика «военного коммунизма», проводившаяся в Советской России с 1918 по 1921 г., стала одним из самых масштабных и трагических социально-экономических экспериментов XX в. Центральный вопрос, который до сих пор вызывает острые дискуссии, заключается

в ее истинной природе: была ли она прагматичным ответом на военную разруху или доктринальным «штурмом неба» – сознательной попыткой одним скачком перейти к безрыночному коммунистическому обществу?

Настоящая статья исходит из того, что идеологическая составляющая «воен-

ного коммунизма» была не просто дополнением, а его фундаментальной основой. Именно догматическая приверженность марксистской теории в ее ленинской интерпретации предопределила выбор методов – от тотальной национализации и продразверстки до милитаризации труда. В работе анализируется, как попытка механически перенести теоретическую модель, разработанную для индустриального Запада, на почву аграрной России породила систему, в которой утопические цели достигались методами тотального государственного террора.

Методология

Методологическая база настоящего исследования призвана обеспечить всесторонний и объективный анализ политики «военного коммунизма» как столкновения идеологической доктрины и социальной реальности. Сравнительно-исторический метод позволил провести сопоставление доктринальных установок большевизма с реальной социально-экономической практикой в деревне. С помощью проблемно-хронологического метода была рассмотрена эволюция политики – от введения хлебной монополии до ее краха и перехода к нэпу. Метод классификации и систематизации позволил выделить и систематизировать основные инструменты принуждения и формы крестьянского сопротивления. Принцип историзма способствовал изучению политики «военного коммунизма» в контексте конкретной исторической обстановки Гражданской войны, а принцип объективности способствовал беспристрастному анализу причин и катастрофических последствий данного социального эксперимента.

Результаты и их обсуждение

Утверждение политической монополии большевиков инициировало проект форсированного переустройства аграрной России на основе марксистской доктрины. Это начинание, определенное Лени-

ным как «красногвардейская атака на капитал», опиралось на императивы тотального огосударствления экономики и централизованного распределения. В партийной среде доминировал постулат, согласно которому принудительная экспроприация частной собственности станет катализатором для построения нового мира [1, с. 373–376].

Таким образом, умозрительные дискуссии западноевропейской социал-демократии были перенесены на российскую почву в формате беспрецедентного социального эксперимента. Парадокс заключался в том, что коммунистическая модель внедрялась в аграрной стране с доминированием мелкособственнического уклада, в условиях, являвшихся прямым противоречием исходным постулатам марксизма [2, с. 12].

Концептуальным фундаментом для этого скачка послужил ленинский тезис о достижении российским капитализмом государственно-монополистической стадии, что легитимировало немедленный переход к социализму. Движущей силой стал революционный волюнтаризм, сопряженный с тактикой ситуативных решений по принципу «ввяжемся в бой, а там видно будет». Пафос грандиозного проекта полностью нивелировал оценку рисков, а достижение конечной цели оправдывало радикальный слом векового уклада. Как впоследствии признавал сам Ленин, на начальном этапе у архитекторов эксперимента отсутствовало ясное видение конкретных форм и темпов грядущих преобразований [3, с. 380].

Для большевистских лидеров контуры будущего общества оставались скорее умозрительной конструкцией, нежели детализированным проектом. В ленинской концепции государство мыслилось как единый государственный синдикат – всеохватывающая сеть производственно-потребительских коммун, где товарное производство ликвидировано, а продукт поступает в прямое распределение, минуя рынок. Эта утопическая модель, закреп-

ленная во второй Программе РКП(б), предполагала реализацию через следующий инструментарий: принудительное обобществление, всеобщую трудовую повинность и тотальный учет [4, с. 440]. Как позднее признавал идеолог большевизма Н.И. Бухарин, в основе лежала доктринальная наивность – вера в возможность мгновенного перехода к плановой экономике путем административного упразднения рынка [5, с. 195, 196].

Тем не менее было бы методологическим упрощением объяснять генезис «военного коммунизма» исключительно форс-мажорными обстоятельствами Гражданской войны. Его идейные корни уходят в ортодоксальную марксистскую парадигму, где антагонизм «капитализм – социализм» трактовался как непримиримое противостояние «рынок – план». Сама модель «военного коммунизма» являлась логическим следствием убежденности в том, что с победой революции товарно-денежные отношения должны немедленно «отмереть» [6, с. 109].

Для поколения коммунистов, чье мировоззрение сформировалось в революционной борьбе, командно-административная система представлялась не временной уступкой, а оптимальным вектором движения к социализму [7, с. 198]. Неотъемлемыми атрибутами этой модели стали тотальная государственная монополия, директивный запрет торговли и эгалитарное распределение [8, с. 61]. Венцом этой конструкции стала технократическая утопия Ленина – вера в то, что форсированное развитие материальной базы через электрификацию позволит преодолеть структурную архаику России и реализовать идеал стирания граней между городом и деревней [9, с. 41].

Оставаясь мощной политической неоформленной силой, крестьянство в условиях коллапса государственности 1917 г. реализовало свое архетипическое стремление к земле через «черный передел». Его ситуативный альянс с большевиками носил сугубо утилитарный харак-

тер: новая власть легитимировала захват земель и гарантировала невозврат старых порядков.

Однако эта социальная революция спровоцировала системный регресс, ввергнув аграрный сектор в состояние экономической архаизации. Прогрессивные, рыночно-ориентированные институты, заложенные столыпинскими реформами, были демонтированы, а большинство хозяйств переориентировалось на автаркию, свернув товарное производство. Ключевым социальным последствием стал феномен «осереднячивания» – деревенской структуры через ликвидацию полярных социальных групп [10, с. 110–111].

Экономический эффект этого процесса оказался деструктивным. Социальное выравнивание обернулось коллапсом производительных сил, поскольку были устранены два наиболее товарных сектора – помещичьи и зажиточные крестьянские хозяйства. В результате совокупный показатель товарности деревни рухнул с 30–40% до 11–15%, заложив структурные основы для грядущего продовольственного кризиса и превратив победу крестьянства в пиррову [11, с. 85].

Эта реальность поставила перед большевиками острейшую доктринальную дилемму. Ортодоксальная марксистская концепция предписывала лишь нейтрализацию крестьянства во избежание контрреволюционной «Вандеи». Ленин пошел на радикализацию этой установки, выдвинув идею активного союза с деревней. Однако это не разрешало фундаментальную коллизию: легитимность диктатуры пролетариата находилась в прямом противоречии с его ничтожным демографическим весом в аграрной стране. Перед Лениным стояла задача концептуально примирить доктрину с реальностью [12, с. 128–129].

Решение было найдено в виртуозной концептуальной операции: В.И. Ленин ввел в политический лексикон категорию «полупролетариев» для обозначения бед-

нейшего крестьянства. Этот конструкт позволил искусственно интегрировать сельскую бедноту в состав пролетариата, тем самым многократно расширив декларируемую социальную базу революции и создав необходимое идеологическое «большинство».

Однако эта элегантная теоретическая схема вступала в неразрешимое противоречие с социальной действительностью. Сам «пролетариат» не был монолитен, что продемонстрировало Ижевско-Воткинское восстание, а «полупролетарские» слои порождали как лояльные, так и враждебные режиму фигуры, вроде анархиста Нестора Махно. Фундаментальный разрыв между идеологической конструкцией и живой тканью общества был заложен в само основание советского проекта.

Этот концептуальный маневр позволил достичь компромисса с марксистской ортодоксией, трансформировав формулу «нейтрализации крестьянства» в политику «союза» с ним. Диктатура пролетариата, идеологически усиленная «полупролетариатом», получала формальную легитимность для начала «созидания основ коммунистического общества», как было зафиксировано в Программе РКП(б) [13, с. 45].

Целью марксизма являлось построение бесклассового общества, что предполагало ликвидацию антагонизма между рабочим и крестьянином. Ключ к решению этой задачи Ленин видел во внедрении диалектической дихотомии: «крестьянин-трудящийся» против «крестьянина-собственника». Именно в принудительном разрешении этого внутреннего противоречия и заключалась сущность социалистических преобразований в деревне [14, с. 277]. Методологический прецедент для подобного «размежевания» был найден в анализе Марксом процесса первоначального накопления капитала: отчуждение производителя от средств производства через экспроприацию [15, с. 64]. В российских условиях этот про-

цесс был инициирован национализацией земли, за которой должна была последовать экспроприация инвентаря и, наконец, фискальное удушение через тотальное изъятие продукта.

В ленинской парадигме мелкое крестьянство рассматривалось как «последний капиталистический класс», подлежащий не прямой ликвидации, а долгосрочной трансформации в обобществленное производство. Конечная цель, сформулированная в 1919 г., – «социализм есть уничтожение классов» – означала деконструкцию крестьянина как собственника и его превращение в обезличенного «работника» [16, с. 6].

Спустя десятилетие И.В. Сталин придал этой установке статус канонической догмы. Он утверждал, что мелкотоварное хозяйство перманентно и стихийно репродуцирует капитализм, что стало идеологической основой для сплошной коллективизации. Доктринальное противоречие между «союзом» с крестьянством и его классовым антагонизмом разрешалось через диалектическую казуистику: дифференцированный подход – опора на бедноту, тактический союз с середняком и ликвидация кулачества [17, с. 95–97].

Телеологическим горизонтом этой политики была утопическая мечта: класс-гегемон «переделяет» крестьянство, трансформируя его собственническую психологию в коллективистское сознание на пути к бесклассовому обществу.

Эта грандиозная цель легитимировала любые средства, объединенные принципом революционной «целесообразности». Теоретическое обоснование этому дал Н.И. Бухарин в «Экономике переходного периода» – доктринальном манифесте «военного коммунизма». Согласно его концепции, переходный период требовал тотального демонтажа товарной экономики, где ключевые категории: стоимость, деньги, заработная плата – объявлялись упраздненными в пользу прямого

продуктообмена и «натурально-хозяйственного мышления» [17, с. 94–176].

Главным инструментом для достижения этого нового равновесия провозглашалось государственное принуждение. Насилие, включая изъятие хлеба, получало высшее экономическое оправдание: оно было «целесообразно» как метод форсирования индустриализации, которая в отдаленной перспективе должна была обеспечить деревню промышленными благами. Таким образом, теория санкционировала практику тотального принуждения.

В теоретической конструкции Н.И. Бухарина государственное насилие обрело статус ключевого регулятора экономического развития. Он постулировал принудительную мобилизацию человеческих ресурсов, прежде всего крестьянства, как основу «социалистического первоначального накопления», конструируя тем самым милитаризованный тип производства. Следуя за Марксом, Бухарин наделил насилие созидательной, организационной функцией, а его логика была прямолинейна: чем масштабнее применение «внеэкономической» силы, тем короче переходный период.

Эта концепция кристаллизовалась в формуле: государственная власть есть «концентрированное и организованное общественное насилие». Политическая власть сама становилась экономической силой, насильственно инкорпорирующей непролетарские элементы в новую систему. В отношении крестьянства это означало подавление его «собственнической» сущности (стремления к свободной торговле) [17, с. 120, 156–167].

Апогеем этой логики стало провозглашение пролетарского принуждения во всех его формах – «начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью» – главным инструментом антропологической инженерии, «методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Если Бухарин создал доктринальное обоснование тотального принуждения, то Л.Д. Троцкий стал его главным практиком, выдвинув концепцию «милитаризации хозяйства». Для него абсолютным критерием служила «военно-политическая необходимость», полностью подчинявшая себе экономическую целесообразность. В его видении трудящиеся массы должны были стать объектом тотального государственного управления: «прикрепляемы, перебрасываемы, назначаемы». Теоретическим оправданием этому служил циничный антропологический пессимизм: «человек – довольно ленивое животное» [18, с. 7, 15].

Несмотря на риторику о «временных мерах», практика большевиков демонстрировала глубокий разрыв между декларациями и реальностью. Утопические призывы к крестьянам воспринимать отнятый хлеб как «задаток» под будущие блага или считать государственную инфраструктуру своей «кровной собственностью» были несовместимы с их историческим опытом восприятия власти как чуждой, экспроприирующей силы.

В основе этой политики лежала фундаментальная ошибка: некорректное применение марксистской категории «мелкая буржуазия» к российскому крестьянству, которое в массе своей не было ориентировано на рынок. Тем не менее доктрина предписывала войну с мелким собственником. Апогеем казуистики стала ленинская формула, легитимировавшая изъятие «не необходимых» излишков хлеба [19, с. 129, 132, 133]. Эта конструкция игнорировала выводы экономиста А.В. Чаянова о том, что в трудопотребительском крестьянском хозяйстве таких излишков *a priori* не существует, а любой прибавочный продукт является результатом сверхнапряжения сил для развития или страхования рисков.

Идеологическая непримиримость кристаллизовалась в отказе от свободы торговли и создании специфической «классовой логики», согласно которой

крестьянин не является собственником выращенного им хлеба. Продукт его труда объявлялся принадлежащим государству как собственнику земли и производителю орудий труда [20, с. 18–20]. Реакция крестьянства на демонтаж экономических стимулов была рациональной – сворачивание товарного производства до уровня самообеспечения и сокращение посевных площадей.

Параллельно в теории разрабатывалась магистральная установка на переход к коллективному хозяйству. Идеологи вдохновлялись идеей Маркса о склонности русского крестьянина к артельным формам, игнорируя, однако, указанные им же ключевые предпосылки – наличие экономической потребности и материальных условий. Это предопределило провал первых экспериментов. Ни образцовые госхозы (совхозы), ни коммуны с их полным обобществлением не прижились. Несмотря на значительную государственную поддержку, они остались чужеродными, искусственными образованиями в крестьянском мире, не имея на него никакого реального влияния.

Ранние формы коллективизации – коммуны и артели – оказались нежизнеспособными. Существовая исключительно за счет государственных дотаций, они воспринимались крестьянством как чужеродные форпосты большевистской политики и закономерно становились первыми объектами разгрома в ходе восстаний. Попытки их насаждения были лишь частью глобального вектора на тотальную этатизацию (огосударствление) аграрного сектора с конечной целью подчинить деревню единому государственному плану.

Идеологическим обоснованием этого натиска послужила трансформация социологической схемы Энгельса о делении крестьянства и превращении его в политическое оружие. Ленин провозгласил курс на разжигание гражданской войны внутри самой деревни, объявив кулака

абсолютным врагом и поставив цель расколоть крестьянский мир.

Эта политика внутреннего раскола разительно контрастировала с тактикой октября 1917 г., когда большевики, наоборот, ситуативно объединили все крестьянство. Ключевым инструментом тогда стал Декрет о земле, который, по позднему признанию Ленина, был не реализацией их программы национализации, а гениальным политическим маневром – присвоением аграрной программы их главных конкурентов – эсеров.

Большевики кооптировали самый резонансный лозунг, выражавший крестьянские чаяния, и тем самым нейтрализовали своих оппонентов в борьбе за деревню. Успех этой тактики имел стратегические последствия. Когда большевики разогнали Учредительное собрание, деревня, уже получившая желаемое – помещичью землю, осталась в массе своей индифферентной к судьбе демократических институтов. Удовлетворив сиюминутные материальные интересы крестьянства, большевики обеспечили себе его критически важную пассивность в момент окончательной узурпации власти [21, с. 457].

Революционные обещания Декрета о земле получили юридическое оформление в «Основном законе о социализации земли». Этот триумф эсеровской аграрной мысли, инкорпорированный даже в первую советскую Конституцию, оказался иллюзорным. Ленин совершил акт виртуозной политической кооптации: публично признавая закон «эсеровским», он использовал его как инструмент для легитимации и укрепления единственного реального механизма своей власти – советской системы.

Провозглашение хлебной монополии весной 1918 г. ознаменовало собой точку бифуркации, став фундаментальным водоразделом между большевистской стратегией и стихийной революционностью крестьянства. Монополия превратилась из экономической политики в легитими-

рованное право государства на экспроприацию крестьянского продукта. В условиях отсутствия промышленных товаров для эквивалентного обмена это право могло быть реализовано исключительно силой. Крестьянство из союзника превратилось в объект государственного принуждения, породив ключевую коллизию «военного коммунизма»: как изъять хлеб у миллионов вооруженных производителей, не желающих его отдавать [22, с. 356–362].

Логическим апофеозом хлебной монополии стала продовольственная диктатура, институционализированная в мае–июне 1918 г. Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) был трансформирован в ключевой карательно-экономический институт республики с чрезвычайными полномочиями. Для практической реализации диктатуры был создан силовой инструментарий: продовольственные отряды (продотряды), укомплектованные из городских рабочих. Объединенные в Продовольственно-реквизиционную армию (Продармию) численностью до 80 тыс. человек, они стали вооруженной рукой государства в деревне [4, с. 437].

Для реализации продовольственной диктатуры была выстроена жесткая административная вертикаль. Во главе ее стояли губернские продкомиссары – эмиссары центра с практически неограниченными полномочиями, подотчетные напрямую Наркомпроду и несущие персональную ответственность за выполнение планов по изъятию хлеба [23, с. 407].

Методология этого принуждения была хладнокровно артикулирована в директивах из центра. Телеграмма Наркомпрода в Пензу от декабря 1919 г. представляет собой не просто приказ, а открытый алгоритм государственного террора: беспелляционный ультиматум, исключая торг; немедленный арест местных властей в случае его невыполнения; тотальная реквизиция до выполнения плана; и целенаправленное создание

атмосферы страха через широкое оповещение о репрессиях. Финальный запрет на «подворные переучеты» окончательно дегуманизировал процесс, превращая его из заготовки продовольствия в безжалостную карательную операцию.

Этот алгоритм государственного террора не был локальной инициативой, а тиражировался по всей стране, обрастая на местах еще более жесткими формулировками и милитаризованной лексикой («безоговорочное выполнение», «боевые приказы»). Приказ Уфимского губпродкома от января 1920 г. является квинтэссенцией этой политики, постулируя «упорный и неослабный нажим на население» и «целесообразное использование вооруженной силы» в качестве главных инструментов. Так была отлажена репрессивная машина продовольственной диктатуры, действовавшая в режиме, где любой сбой карался ревтрибуналом [24, с. 738, 742].

На низовом, уездном уровне эта машина действовала с предельной жестокостью. Процедура принуждения была хладнокровно регламентирована: от формального предложения «добровольной» сдачи под подписку к немедленной «поголовной реквизиции» в случае отказа, и далее – к полной конфискации имущества и взятию заложников при активном сопротивлении.

Насилие стало не эксцессом, а системным, рутинным и единственно возможным методом реализации государственной политики. Деревня была фактически превращена в зону внутренней оккупации, а ее население – в объект для извлечения ресурсов.

Эта установка, спущенная сверху, стала операционным принципом, пронизывающим всю деятельность продовольственных органов. Директивы наркома Цюрупы, главы ВЧК Дзержинского и самого Ленина кодифицировали систему государственного террора: любое промедление со сдачей хлеба влекло «соответствующее воздействие», а «злостный

саботаж» – «беспощадное пресечение». Местные советские и партийные работники превращались в заложников продразверстки, подлежащих аресту за невыполнение плана.

Эта архитектура принуждения реализовывалась на местах с беспощадной эффективностью. Отчеты с мест, подобные пензенскому, в хладнокровной бюрократической манере фиксировали результаты «произведенного нажима»: если волость не выполняла план, ее руководство арестовывалось, вводился вооруженный отряд и начиналась «поголовная реквизиция» без каких-либо норм до полного изъятия хлеба.

Параллельно с продовольственной диктатурой государство открыло против крестьянства второй фронт, перейдя от провалившегося добровольческого принципа комплектования Красной армии к всеобщей принудительной мобилизации. За несколько месяцев численность РККА выросла вчетверо, однако для крестьянина это означало возвращение ненавистной рекрутчины, усугубленной конской повинностью. Введение же института комиссаров – беспрецедентного органа политического контроля – недвусмысленно превращало новую армию в инструмент не только военного, но и идеологического принуждения [25, с. 127, 131, 133].

Крестьянская война в России была не случайным следствием военномарксистских экспериментов, а их сознательно инициированным результатом. Стратегическая установка на инспирирование внутреннего антагонизма в деревне была открыто сформулирована председателем ВЦИК Я. Свердловым: «...расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, ...разжечь там... гражданскую войну». Целью было создание в антагонистичной крестьянской среде лояльной социальной базы, которой у большевиков до этого не было [26, с. 213–214].

Эта политика опиралась на пассионарный подъем части населения, видевшей в революции социальный лифт и сопричастность к историческому проекту. Однако этот энтузиазм имел и темную сторону, вынося на поверхность маргинальные и деструктивные элементы, которые активно пополняли ряды карательных органов.

Институциональным инструментом этого раскола стали комитеты бедноты (комбеды), учрежденные в июне 1918 г. На них возлагались функции по экспроприации «излишков», распределению конфискованного и, по сути, вся полнота власти на местах, в обход традиционных Советов. Это создало питательную среду для сведения личных счетов и легитимированного произвола, превратив комбеды в эффективный, но крайне деструктивный механизм разжигания гражданской войны на микроуровне.

Комбеды стали проводниками и нового фискального удара – чрезвычайного налога, который на практике превратился в инструмент террора. Власть сознательно игнорировала эксцессы, поскольку комбеды решали ключевую стратегическую задачу – формирование опорной структуры пролетарской диктатуры в деревне. Усвоив уроки Французской революции, большевики понимали, что без такой опоры их власть обречена на поражение от крестьянской «Вандеи». Поэтому комбеды быстро вышли за рамки своих формальных полномочий, осуществляя не только экспроприацию, но и «защитку» местных Советов, превратившись де-факто в органы диктатуры пролетариата в деревне.

К концу 1918 г. комбеды выполнили свою ключевую политическую функцию, обеспечив тотальный контроль над переборами в Советы. Провозглашенное «слияние с Советами» на практике означало их полную субординацию и трансформацию из органов крестьянского самоуправления в низшие звенья партийно-государственной вертикали. Одновре-

менно «Положение о социалистическом землеустройстве» (февраль 1919 г.) юридически закрепило национализацию земли, окончательно низводя крестьянина до статуса бесправного пользователя государственных ресурсов. Тактический союз был разорван [27, с. 565].

Для идеологического обоснования своей политики большевики активно использовали статистику как инструмент политической манипуляции. Социальная структура деревни в ленинских выкладках демонстрировала поразительную эластичность, адаптируясь к текущим политическим задачам. В период разжигания классовой борьбы доля бедноты искусственно завышалась для демонстрации широкой социальной опоры; при переходе к «союзу с середняком» последний мгновенно превращался в доминирующую силу.

Эти идеологически мотивированные расчеты разительно расходились с реальной структурой деревни, где политика «военного коммунизма» привела к почти полной ликвидации зажиточного слоя и доминированию середняка. Сам термин «кулак» так и не получил четкого социологического определения, оставаясь идеологическим ярлыком. Он служил для конструирования образа классового врага, необходимого для оправдания репрессий, притом что реальная экономическая стратификация деревни уже не давала для этого веских оснований.

Ленинское определение «кулака» носило не экономический, а политико-идеологический характер, основываясь на аморфном критерии «эксплуатации». В условиях сложных патрон-клиентских и долговых отношений русской деревни это открывало пространство для безграничного произвола. Репрессивный неологизм «подкулачник» позволял заклеить любого несогласного. Миф о мощном классе кулаков выполнял инструментальную функцию: он конструировал образ внутреннего врага, легитимируя террор.

С другой стороны, «беднота» также представляла собой гетерогенную группу, где наряду с объективно обездоленными присутствовали и маргинальные элементы. Именно этот слой, усиленный демобилизованными солдатами, получил от власти мандат на перераспределение чужого имущества, составив кадровый костяк комбедов и продотрядов.

Система налогообложения была полностью детерминирована этой классовой логикой. Формально прогрессивный натуральный налог быстро доказал свою нефункциональность и был заменен более грубым, но директивно эффективным инструментом тотального изъятия – продразверсткой.

Механизм «военного коммунизма» содержал в себе имманентную логику саморазрушения. После экономической ликвидации «кулака» как основного товарного производителя объектом экспроприации неизбежно становился середняк. В этой парадигме провозглашенный на VIII съезде партии большевиков «союз с середняком» превращался в идеологическую фикцию, поскольку крестьянин не мог воспринимать государство, ведущее «крестовый поход за хлебом» и объявлявшее любого владельца излишков «врагом народа», в качестве союзника [24, с. 739].

Ответом деревни стала стратегия пассивного саботажа: сворачивание производства до уровня автаркии и массовое самогонование как форма экономической диверсии, позволявшая укрыть зерно и создать альтернативный эквивалент обмена. В основе этой трагедии лежал принцип тотального произвола, имманентно присущий системе продразверстки. Ее планирование базировалось на директивном волюнтаризме, исходя из гипотетических потребностей государства и игнорируя практическую реальность аграрного сектора. Сама терминология («выкачка», «отчуждение») откровенно отражала хищнический характер этой ресурсоизвлекающей модели.

Неудивительно, что система была глубоко дисфункциональной: хронически невыполнимые планы вели к катастрофическому падению производства в наиболее продуктивных регионах. Реакцией власти была не коррекция, а эскалация принуждения, распространившая к концу 1920 г. разверстку практически на всю сельхозпродукцию. Циничная констатация Ленина, что власть «научилась применять разверстку», означала лишь овладение технологией одностороннего изъятия.

Статистический рост объемов заготовок создавал иллюзию эффективности, однако он был обусловлен не совершенствованием механизма, а экстенсивным расширением – захватом Красной армией новых хлебных территорий. Эффективность системы измерялась не производительностью, а размером зоны экспроприации [28, с. 91–94].

Для идеологического камуфляжа этого государственного грабежа была создана изошренная экономическая конструкция. Продразверстка представлялась как «ссуда», фикция принудительного кредитования крестьянством пролетарского государства. В этой схеме происходила замена: должником объявлялось не государство-экспроприатор, а рабочий класс, который когда-нибудь вернет долг. Крестьянин же должен был проявить классовую сознательность, безвозмездно кредитую власть продуктом своего труда.

Идеологическая конструкция принудительного кредитования была доведена до логического абсурда А.И. Рыковым, введшим термин «принудительная ссуда». Эта циничная фраза оправдывала насилие утверждением, что у крестьянина отбирают лишь «излишки», и делалось это во имя будущего промышленного развития. Данная конструкция вступала в неразрешимое противоречие с экономической рациональностью производителя, который в ответ на экспроприацию сворачивал производство. Миф о добровольном классовом долге был идеологической

фикцией, дезавуированной практикой тотального принуждения [29, с. 124].

Параллельно с продовольственной экспроприацией на крестьянство был обрушен второй фронт принуждения – всеобщая трудовая повинность. Этот институт превратился в систему тотальной эксплуатации, сделав деревню неисчерпаемым источником бесплатной рабочей силы и транспорта для нужд государства. Повинность принимала многообразные формы: от транспортных и гужевых до принудительных лесозаготовок, полностью дезорганизуя аграрный цикл. Эта система, лишавшая крестьянина не только продукта его труда, но и права распоряжаться собственным трудом, неизбежно вела к эскалации сопротивления.

Декрет о всеобщей трудовой повинности (январь 1920 г.) институционализировал эту систему, превратив страну в единый мобилизационный лагерь. Апофеозом идеи «милитаризации хозяйства» стало создание трудовых армий. Эти военизированные формирования, насчитывавшие до 2,5 млн человек, стали универсальным инструментом принуждения, перебрасываемым для выполнения «боевых приказов» на экономическом фронте [30, с. 50].

Парадоксальным образом в начале 1920 г. Л.Д. Троцкий, главный апологет «милитаризации хозяйства», столкнувшись с реальностью крестьянского сопротивления на Урале, предложил ЦК прагматичную коррекцию курса. Он констатировал, что продразверстка ведет к коллапсу производства, и выдвинул идею замены изъятия излишков процентным натуральным налогом. Впоследствии, в эмиграции, Троцкий будет представлять этот эпизод как свою попытку инициировать нэп на год раньше Ленина, создавая таким образом собственную политическую мифологию.

Однако анализ его предложений дезавуирует эту ретроспективную интерпретацию. Либерализация рассматривалась им лишь как временная тактическая

уступка, необходимая «до тех пор, пока не сможем центр тяжести... перенести на совхозы». Основной же акцент делался на усилении курса на коллективизацию через принудительную разверстку по запашке [31, с. 543–544]. Таким образом, речь шла не о подлинном компромиссе с крестьянином-собственником, а лишь о выборе наиболее эффективного способа его эксплуатации и последующей ликвидации.

Идеологические конструкции большевиков, будь то «продовольственные авансы» или «принудительная ссуда», были абсолютно неубедительны для прагматичного крестьянского сознания. Рациональным ответом на экспроприационную политику стало сворачивание товарного производства.

Ответом на тотальное огосударствление распределения стало мощное социальное явление – мешочничество. Это была не спекуляция, а стихийно возникшая система народного самоснабжения, альтернативная, теневая экономика. Десятки миллионов людей были вовлечены в нелегальный товарообмен, который не только доставлял продовольствие в голодающие города, но и снабжал деревню жизненно необходимыми промышленными товарами, где мануфактура стала своеобразной валютой. Этот нелегальный рынок продемонстрировал несравнимо большую эффективность и гибкость, чем громоздкая и дисфункциональная государственная распределительная машина.

Дисфункциональность государственной хлебной монополии была системной. Новому государству не хватало институциональной и логистической способности для реализации столь грандиозной задачи: изъятое зерно гнило, а продовольственные органы наталкивались на ожесточенное сопротивление. Более того, сама система экспроприации была экономически иррациональной, поскольку издержки на содержание огромного репрессивного аппарата были колоссальны.

Ответом на этот коллапс стала прямая война со стихийно возникшей альтернативной экономикой – мешочничеством. Для борьбы с этой системой народного самоснабжения были созданы заградительные отряды, ставшие еще одним инструментом государственного террора. Однако даже этот террор не смог подавить спонтанную экономическую активность. Приговором всей политике «военного коммунизма» стал тот факт, что за годы Гражданской войны на долю нелегального рынка пришлось около половины всего продовольственного снабжения городов. Народная экономика выживания оказалась несравненно эффективнее тотальной государственной машины, построенной на идеологии и насилии [32, с. 207, 251].

Примечательно, что провал был предопределен еще до введения полномасштабной продразверстки. Амбициозная попытка наладить государственный товарообмен с деревней в начале 1918 г. обернулась организационным коллапсом и массовым разграблением отправленных товаров. Этот эпизод наглядно продемонстрировал фундаментальную неспособность нового государства к организации сложных экономических процессов. Его компетенции ограничивались лишь примитивной экспроприацией – «отнимать и делить».

К рубежу 1920–1921 гг., после разгрома белых армий, политика «военного коммунизма» достигла своего апогея и логического предела. Вместо ожидавшегося облегчения, власть ужесточила продразверстку, завершила тотальную национализацию и, постановлением VIII съезда Советов, ввела де-факто государственное крепостничество, диктуя крестьянину что и как сеять. Этот апофеоз военно-коммунистической утопии спровоцировал предсказуемую реакцию: по всей стране вспыхнули массовые крестьянские восстания. Массовая демобилизация из Красной армии стала катализатором, дав этим выступлениям опытных бойцов и

командиров, и крестьянская война против режима вступила в решающую фазу [33, с. 109–110].

Последствия этой политики были катастрофическими. Аграрный сектор находился в состоянии коллапса: посевные площади сократились на треть, урожайность рухнула, а объемы заготовок упали более чем втрое по сравнению с дореволюционным уровнем. В 1921 г. разразился массовый голод, унесший до 5 млн жизней. Кризис охватил и промышленность, которая из-за тотального дефицита сырья оказалась на грани полной остановки. К весне 1921 г. стало очевидно, что продолжение политики «военного коммунизма» ставит под угрозу само существование советской власти [34, с. 54].

Таким образом, провал «военного коммунизма» стал крахом попытки механически перенести ортодоксальную марксистскую доктрину на российскую аграрную почву. Этот гибрид утопической идеологии и тотального насилия оказался системно нежизнеспособным, поставив страну на грань полного коллапса и вынудив его архитекторов к радикальной смене курса.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: политика «военного коммунизма» не может рассматриваться как совокупность ситуативных мер, продиктованных исключительно условиями Гражданской войны.

Напротив, она представляла собой первую в мировой истории полномасштабную попытку практической реализации коммунистической доктрины – форсированного, безрыночного перехода к новому общественному строю.

Фундаментальный разрыв между умозрительной идеологической моделью, разработанной для индустриального общества, и социально-экономической реальностью аграрной России советская власть пыталась преодолеть через эскалацию системного государственного насилия. Насилие было не эксцессом, а главным, теоретически легитимированным инструментом оправданного через конструирование образа «классового врага» и тотальное подавление любой частной инициативы.

Закономерным итогом этой политики стал не прорыв в будущее, а глубочайший экономический коллапс, деградация производительных сил и гуманитарная катастрофа. Крестьянская война 1920–1921 гг. стала не просто ответом на экспроприацию, а фактическим приговором, вынесенным народом всей системе «военного коммунизма», что поставило под угрозу само существование большевистского режима и сделало отказ от доктрины безальтернативным. Таким образом, первый коммунистический эксперимент в России завершился полным провалом, продемонстрировав трагические последствия попытки построить утопию методами тотального принуждения.

Список литературы

1. Ленин В.И. К пересмотру партийной программы // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 34. С. 351–381.
2. Бебель А. Государство будущего. Социалистическое общество. СПб.: Изд. А. Сурат, 1906. 73 с.
3. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 36. С. 377–386.
4. Ленин В.И. Программа РКП (б) // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 38. С. 417–446.
5. Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 146–230.

6. Ленин В.И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 40. С. 87–110.
7. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Книга, 1990. Т. 2. 343 с.
8. Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. М.: Наука, 1990. 333 с.
9. Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. М.: Терра, 1990. Т. 1. 255 с.
10. Алешкин П.Ф. Крестьянские восстания в Советской России (1918–1922 гг.). М.: Издательские решения, 2016. 710 с.
11. Сталин И.В. На хлебном фронте: [Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г.] // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1947. Т. 11. С. 81–97.
12. Ленин В.И. VIII съезд РКП (б) (18–23 марта 1919 г.) // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 38. С. 125–215.
13. Ленин В.И. Проект телеграммы всем Совдепам о союзе рабочих и крестьян // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 37. С. 45.
14. Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 271–282.
15. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1987. Т. 6. С. 64.
16. Ленин В.И. Третий конгресс Коммунистического Интернационала: Доклад о тактике РКП 5 июля 1921 г. Тезисы доклада о тактике РКП // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44. С. 3–12.
17. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. 511 с.
18. Троцкий Л.Д. Задачи трудовой мобилизации: Доклад на заседании 1 сессии ВЦИК 3 февраля 1920 г. // Сочинения. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1927. Т. 15. С. 7, 15.
19. Троцкий Л.Д. Организация труда: Доклад на IX съезде РКП (б) // Сочинения. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1927. Т. 15. С. 129, 132, 133.
20. Троцкий Л.Д. Всероссийское разорение и трудовые задачи крестьянства // Сочинения. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1927. Т. 15. С. 18–20.
21. Ленин В.И. Черновые наброски и план брошюры о диктатуре пролетариата // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 453–461.
22. Ленин В.И. Речь на 1 Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 37. С. 352–364.
23. Ленин В.И. План аграрного пункта программы: Материалы к проекту программы РКП (б) (23–25 февраля 1919 г.) // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 38. С. 405–410.
24. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
25. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1: 1917–1918 гг. 2-е изд., уточн. М.: Политиздат, 1990. 271 с.
26. Свердлов Я.М. О задачах Советов в деревне: Доклад на заседании ВЦИК 4-го созыва 20.05.1918 г. // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2. С. 210–215.
27. Судьбы российского крестьянства: сборник статей // Россия. XX век / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. 595 с.
28. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–1928 гг. / сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1967. 783 с.
29. Рыков А.И. О деятельности ВСНХ за два года: Доклад на заседании III Всероссийского съезда профсоюзов 9 апреля 1920 г. // Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 124.

30. Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 50.
31. Троцкий Л.Д. Советская республика и капиталистический мир. Часть II. Гражданская война // Сочинения. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1927. Т. 17, ч. 2. С. 543-544.
32. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб.: Наука, 2002. 314 С.
33. Рыков А.И. Экономическое положение Советской России: Доклад на объединенном заседании III Всероссийского съезда советов народного хозяйства, Моссовета и профсоюзов 25 января 1920 г. // Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 109-110
34. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 205 с.

References

1. Lenin V.I. Towards the revision of the Party program. In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1969. Vol. 34. P. 351-381. (In Russ.)
2. Bebel' A. The state of the future. The Socialist Society. St. Petersburg: Izd. A. Surat; 1906. 73 p. (In Russ.)
3. Lenin V.I. Speech at the First All-Russian congress of Soviets of the national economy on may 26, 1918. In: Complete Works. Fifth edition. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1969. Vol. 36. P. 377-386. (In Russ.)
4. Lenin V.I. The program of the Russian Communist Party (b). In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1969. Vol. 38. P. 417-446. (In Russ.)
5. Bukharin N.I. The path to socialism and the workers' and peasants' union. In: Selected works. Moscow: Politizdat; 1988. P. 146-230. (In Russ.)
6. Lenin V.I. Report on the work of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars at the first session of the All-Russian Central Executive Committee of the VII convocation on February 2, 1920. In: Complete Works. Fifth edition. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1974. Vol. 40. P. 87-110. (In Russ.)
7. Trotskii L.D. My life. The Autobiography Experience. Moscow: Kniga; 1990. Vol. 2. 343 p. (In Russ.)
8. Trotskii L.D. The Stalinist school of falsifications. Moscow: Nauka; 1990. 333 p. (In Russ.)
9. Trotsky's Archive: The Communist Opposition in the USSR, 1923-1927. Moscow: Terra; 1990. Vol. 1. 255 p. (In Russ.)
10. Aleshkin P.F. Peasant uprisings in Soviet Russia (1918-1922). Moscow: Izdatel'skie resheniya; 2016. 710 p. (In Russ.)
11. Stalin I.V. On the grain Front: [From a conversation with students of the Institute of the Red Professorship, the Academy and the Sverdlovsk University on May 28, 1928]. In: Complete Works. Moscow: Politizdat; 1947. Vol. 11. P. 81-97. (In Russ.)
12. Lenin V.I. VIII Congress of the Russian communist party (b) (March 18-23, 1919). In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1969. Vol. 38. P. 125-215. (In Russ.)
13. Lenin V.I. Draft telegram to all Soviet deputies on the Union of workers and peasants. In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1969. Vol. 37. P. 45. (In Russ.)
14. Lenin V.I. Ekonomika i politika v epokhu diktatury proletariata. In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1970. Vol. 39. P. 277. (In Russ.)
15. Marks K. Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zasulich. In: Marks K., Engel's F. Selected writings. Moscow: Politizdat; 1987. Vol. 6. P. 64. (In Russ.)
16. Lenin V.I. The Third congress of the Communist International. Report on the tactics of the RCP on July 5, 1921. Abstracts of the report on the tactics of the RCP. In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1970. Vol. 44. P. 3-12. (In Russ.)
17. Bukharin N.I. Problemy teorii i praktiki sotsializma. Moscow: Politizdat; 1989. 511 p. (In Russ.)
18. Trotskii L.D. Tasks of labor mobilization. Report at the meeting of the 1st session of the Central executive committee on February 2, 1920. In: The essays. Moscow; Leningrad: Gos. Izd-vo; 1927. Vol. 15. P. 7,15. (In Russ.)

19. Trotskii L.D. The organization of labor: A report at the IX Congress of the Russian Communist Party (b). In: The essays. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo; 1927. P. 129, 132, 133. (In Russ.)
20. Trotskii L.D. The All-Russian ruin and the labor tasks of the peasantry. In: The essays. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo; 1927. Vol. 15. P. 18-20. (In Russ.)
21. Lenin V.I. Rough sketches and outline of a pamphlet on the dictatorship of the proletariat. In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1970. Vol. 39. P. 453-461. (In Russ.)
22. Lenin V.I. Rech' na 1 Vserossiiskom s"ezde zemel'nykh otделov, komitetov bednoty i kommun 11 dekabrya 1918 g. In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1969. Vol. 37. P. 352-364. (In Russ.)
23. Lenin V.I. The plan of the agrarian point of the program: Materials for the draft program of the Russian Communist Party (b) (February 23-25, 1919). In: Complete Works. Fifth ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1969. Vol. 38. P. 405-410. (In Russ.)
24. The Soviet village through the eyes of the CHEKA–OGPU–NKVD. Documents and materials. Vol. 1. 1918-1922. Moscow: ROSSPEN; 1998. 864 p. (In Russ.)
25. Kakurin N.E. How the revolution fought. Vol. 1. 1917-1918. Moscow: Politizdat; 1990. 271 p. (In Russ.)
26. Sverdlov Ya.M. On the tasks of the Soviets in the countryside. A report at the meeting of the All-Russian Central Executive Committee of the 4th convocation on May 20, 1918. In: Selected works. Moscow: Gospolitizdat; 1959. Vol. 2. P. 209-215. (In Russ.)
27. Afanas'eva Yu.N. The fate of the Russian peasantry: collection of articles. In: Russia. XX century. Moscow: RGGU; 1996. 595 p. (In Russ.)
28. Chernenko K.U., Smirnyukova M.S. (eds.) Decisions of the Party and the government on economic issues. Vol. 1. 1917-1928. Moscow: Politizdat; 1967. 783 p. (In Russ.)
29. Rykov A.I. On the activities of the Supreme Economic Council for two years. Report at the meeting of the III All-Russian congress of trade unions on April 9, 1920. In: Selected works. Moscow: Ekonomika; 1990. P. 124. (In Russ.)
30. Buldakov V.P., Kabanov V.V. "War Communism": ideology and social development. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1990;(3):50. (In Russ.)
31. Trotskii L.D. The Soviet Republic and the capitalist world. Pt. II. Civil war. In: The essays. Moscow; Leningrad: Gos. Izd-vo; 1927. Vol. 17, pt. 2. P. 543-544. (In Russ.)
32. Davydov A.Yu. Illegal supply of the Russian population and the government. 1917-1921: The Bagmen. St. Petersburg: Nauka; 2002. 314 p. (In Russ.)
33. Rykov A.I. The economic situation of Soviet Russia. Report at the joint meeting of the III All-Russian congress of Soviets of national economy, the Moscow city council and trade unions on January 25, 1920. In: *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Ekonomika; 1990. P. 109-110. (In Russ.)
34. Livshin A.Ya., Orlov I.B. Government and society. Dialog in emails. Moscow: ROSSPEN; 2002. 205 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430